

Цена порядка

J. L. SOMNRUNN

роман

J. L. SOMNRUNN

Цена порядка

«Автор»

2026

SOMNRUNN J.

Цена порядка / J. SOMNRUNN — «Автор», 2026

Мир не рушится за один день. Сначала появляются разумные решения, каждое из которых кажется необходимым. Потом из них складывается система, способная защитить людей от хаоса. Но однажды цена порядка становится слишком высокой. «Цена порядка» - философский роман-притча о выборе, ответственности и границе допустимого. Здесь нет одного злодея, которого достаточно победить, и нет простого ответа, который всё исправит. Есть город, его жители и множество решений, каждое из которых имеет последствия. Это история о том, как далеко человек готов пойти ради безопасности, устойчивости и привычного мира, и о моменте, когда сохранение порядка может оказаться опаснее его разрушения.

© SOMNRUNN J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Выходные сведения	5
От автора	6
Оглавление	7
Часть I - Наблюдатель	9
Эпизод 1 – Тот, кто идёт	9
Эпизод 2 – Тот, кто знает	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Цена порядка

Выходные сведения

© J. L. SOMNRUNN, 2026.

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена или распространена без разрешения правообладателя, кроме случаев, прямо предусмотренных законом.

Произведение является художественным вымыслом. Совпадения с реальными лицами, организациями и событиями случайны, если иное прямо не следует из текста.

Первое электронное издание.

Интернет-издательство «Скрытая сторона».

От автора

Эта книга не предлагает готовой модели правильного общества и не просит заранее выбрать сторону. Меня интересовал другой вопрос: что происходит, когда разумные люди, каждый отвечающий за свою часть мира, постепенно приходят к результату, которого никто из них не хотел целиком.

Я не хочу объяснять роман до чтения. Здесь нет ключа, который необходимо получить заранее. Достаточно войти в Город вместе со Странником и смотреть, что происходит с порядком, когда удерживать его становится всё дороже.

Остальное лучше оставить между текстом и читателем.

Оглавление

Часть I - Наблюдатель

- Эпизод 1 – Тот, кто идёт
- Эпизод 2 – Тот, кто знает
- Эпизод 3 – Та, что молчит
- Эпизод 4 – Та, что даёт жизнь
- Эпизод 5 – Тот, кто устанавливает порядок
- Эпизод 6 – Тот, кто хранит традицию
- Эпизод 7 – Те, кто выбирают
- Эпизод 8 – Тот, кто движется вперёд
- Эпизод 9 – Та, что удерживает
- Эпизод 10 – Тот, кто ищет свет во тьме
- Эпизод 11 – Поворот
- Эпизод 12 – Тот, кто слышит камень
- Эпизод 13 – Присутствие

Часть II - Удержание

- Эпизод 14 – Та, кто взвешивает
- Эпизод 15 – Тот, кто смотрит иначе
- Эпизод 16 – Тот, кто вращает колесо
- Эпизод 17 – Тот, кто связывает
- Эпизод 18 – Компромисс
- Эпизод 19 – Долг
- Эпизод 20 – Знание и выгода
- Эпизод 21 – Порядок без контроля
- Эпизод 22 – На пределе
- Эпизод 23 – Голос в стороне
- Эпизод 24 – Зафиксировано
- Эпизод 25 – Пока никто не падает
- Эпизод 26 – Цена удержания

Часть III - Разрыв

- Эпизод 27 — Позднее слово
- Эпизод 28 – Обряд сохранения
- Эпизод 29 – Хлеб и счёт
- Эпизод 30 – Частный выбор снова становится общим
- Эпизод 31 – То, что записано, и то, что было
- Эпизод 32 – Милость и удобство
- Эпизод 33 – Дом, в котором перестают кормить в долг
- Эпизод 34 – Кто держит держащих
- Эпизод 35 – Архив и холм
- Эпизод 36 – Власть между предупреждением и формой
- Эпизод 37 – Тёмная память города
- Эпизод 38 – Тот, кто говорит вслух
- Эпизод 39 – После сказанного

Часть IV - После

- Эпизод 40 – Обыкновенение страха
- Эпизод 41 – Военный инженер
- Эпизод 42 – Скорость против конструкции
- Эпизод 43 – Сестра милосердия
- Эпизод 44 – Когда падает не человек, а порядок
- Эпизод 45 – Чрезвычайная форма
- Эпизод 46 – Полезное и допустимое
- Эпизод 47 – Добровольная остановка больше не добровольна
- Эпизод 48 – Лицо необратимости
- Эпизод 49 – Те, кто ещё говорят о мере
- Эпизод 50 – Глашатай слухов и созывов
- Эпизод 51 – Собрание
- Эпизод 52 – Разрыв, признанный всеми

Часть V - Ответ

- Эпизод 53 – Утро после меры
- Эпизод 54 – Палач без маски
- Эпизод 55 – Дом, который всё ещё греет
- Эпизод 56 – Те, кто рождаются после перелома
- Эпизод 57 – Наследники перед новым порядком
- Эпизод 58 – Запись и память
- Эпизод 59 – Священник и Ростовщик, второй разговор
- Эпизод 60 – Алхимик и вещество необратимости
- Эпизод 61 – Управитель у предела власти
- Эпизод 62 – Алхимик после пользы
- Эпизод 63 – Последний созыв
- Эпизод 64 – Что остаётся живым
- Эпизод 65 – Врата

Часть I - Наблюдатель

Эпизод 1 – Тот, кто идёт

Странник оказался здесь без намерения найти это место.

Такие места редко ищут прямо. К ним не ведёт ни одна ясная мысль, ни одно обещание, ни одно имя. К ним приходят, когда дорога слишком долго остаётся просто дорогой, а потом становится решением. Не лучшим и не самым мудрым – лишь единственным, которое ещё не просит объяснений.

Последние дни он шёл так. Сначала человека толкают обстоятельства. Потом он втягивается в их ритм. А дальше оказывается, что остановка требует большего мужества, чем движение. Тогда остаётся шаг: ровный, привычный, будто тело уже решило за ум то, для чего тот всё ещё не нашёл слов.

Он просыпался рано, когда воздух ещё держал ночную прохладу – плотную, почти вещественную. В такие часы мысли не складываются в суждения, а лежат в голове несобранно, как вещи в полупустой сумке, и от этого не приходится спорить с собой. Странник открывал глаза, некоторое время слушал мир, будто проверял, продолжается ли он, потом поднимался, доедал остатки, пил воду, затягивал ремень на плече и делал первый шаг.

Первый шаг всегда был одинаков. Ровный, без уверенности и без робости. Просто тот, после которого день уже считает тебя своим.

Накануне он спал под деревом, выросшим слишком близко к склону, чтобы служить надёжным укрытием, и слишком обыкновенным, чтобы стать ориентиром. Такие места выбирают усталые люди: достаточно случайные, чтобы ничего не обещать. Лёжа под редкими ветвями, он смотрел вверх и думал о неприятной вещи: издали мир почти всегда кажется устроенным лучше, чем есть. На расстоянии многое держится одним только видом.

Утром он стряхнул с одежды сухую пыль, поморщился от ломоты в спине, поправил сумку и пошёл дальше, словно продолжал не новый день, а вчерашний шаг.

Дорога была старая, утоптанная до каменной плотности, которая возникает не от крепости почвы, а от долгого согласия множества ног и колёс идти одним путём. Пыль лежала низко, не поднимаясь выше щиколоток, будто и ей здесь была известна мера. По краям тянулись следы телег, отпечатки подков, затёртые следы сапог. Всё это было не свежим, но и не древним. Здесь не просто ходили – здесь давно работали. Без него.

Иногда Странник останавливался и прислушивался. У всякой дороги есть свой язык, если идти долго и не слишком громко думать о себе. Эта отвечала охотно: впереди скрипело дерево под грузом, где-то глухо отзывалось железо, доносился окрик, потом снова движение. Так звучит жизнь, которой не требуется свидетель.

Его присутствие ничего не меняло. Он был лишним без всякого оскорбления – как камень на обочине лишний для телеги: не против неё, просто вне её нужды.

Он нёс только то, что мог унести сам: потёртую сумку, нож, верёвку, несколько монет, запасную рубаху и мелочи, назначение которых вспоминалось не сразу. Беспечности в этом не было. Мир не давал поводов доверять ему; Странник скорее доверял продолжению. Если вещь понадобится по-настоящему, её либо добудешь, либо узнаешь, как обойтись без неё.

К полудню дорога стала шире. Такие дороги не бывают случайными. По ним не идут просто так, чтобы размять ноги или убить день. По ним либо возвращаются, либо уходят надолго. Странник не стал придавать этому значения раньше времени. Пошёл туда, куда вёл уклон, и не пытался назвать это выбором.

Границу он заметил не сразу. Не было ни столба, ни насыпи, ни выкрашенного знака, ни даже той нарочитой пустоты, которую иногда оставляют между землями, чтобы человек почувствовал переход. Всё осталось прежним: холмы, трава, камни, истёртая тропа, воздух с привкусом земли. В какой-то миг пространство стало держать его иначе. Воздух будто сделался плотнее и внимательнее, словно сама местность позволила себе рассмотреть пришедшего и решить, стоит ли принимать его как часть пейзажа.

Странник остановился и огляделся. Собственное присутствие показалось ему несвоевременным. Так бывает, когда приходишь туда, где жизнь уже давно началась без тебя: кажется, что ты либо опоздал, либо явился слишком рано, а верного часа для тебя здесь, возможно, не было.

– Ну вот, – сказал он вслух, просто чтобы услышать собственный голос.

Голос прозвучал обычно. Это успокоило.

Он пошёл дальше.

Через некоторое время показались стены. Не сразу: сперва тёмная линия, потом неровные выступы камня, затем ворота, потемневшие от времени и рук. Они были открыты не гостеприимно и не тревожно – просто так, как открывают то, что привыкло ежедневно пропускать жизнь через себя и уже не придаёт этому лишнего значения.

У ворот стояла стража. Спокойная, собранная, без того усердия, которое чаще всего бывает у людей, не слишком уверенных в собственном праве спрашивать. Здесь спрашивали без жажды придаться.

Один из стражников скользнул по нему быстрым взглядом – по сумке, обуви, лицу, походке.

– Откуда?

– Издалека.

– Куда?

Странник на миг задумался и ответил так, как было ближе всего к правде:

– Пока сюда.

Стражник ещё мгновение смотрел на него, будто примерял этот ответ к обычным человеческим привычкам, потом чуть кивнул:

– Проходи.

Ничего не записали. Не потребовали доказательств и не стали выяснять, кто он и зачем явился. Беспечности в этом не чувствовалось. Просто город умел отличать угрозу от усталого человека, пришедшего пешком.

Он вошёл.

Внутри воздух оказался уже иным – не свободным, как на дороге, а распределённым. Здесь всё имело направление. Площадь жила плотно. Разгружали мешки с зерном. У лавок спорили о цене без рыночной злости, как люди, которым к вечеру нужно не победить, а довести дело до конца. Дети пробегали между взрослыми. Кто-то нёс воду. Кто-то отмечал что-то на дощечке. Короткие распоряжения почти сразу превращались в действие.

Пахло хлебом, дымом, тёплой едой, влажным деревом от недавно переставленных бочек, пылью от мешков, немного лошадиным потом и железом. Всё это не спорило между собой. Город пах собой.

Странник пошёл через площадь медленно, не пряча взгляда. На него смотрели ровно настолько, насколько смотрят на любого прохожего, появившегося не в свой час. Ни подозрения, ни лишнего любопытства, ни участия сверх меры. Скорее привычка к порядку, чем равнодушие.

Люди здесь двигались слаженно, но в этой слаженности уже было что-то слишком выученное. В ней ещё не было надлома, только осторожность тех, кто давно держит общий

ритм и перестал тратить силы зря. Распоряжения исполнялись быстро, однако не легко. Город оставался тёплым и крепким, но уже жил на бережном огне.

До него долетали обрывки фраз: о поставке, которую надо принять до темноты; о решении, которое уже согласовано; о людях, которые будут отвечать. Никто не произносил это как новость. Здесь решения входили в обиход раньше, чем становились предметом согласия.

Он дошёл до края площади и остановился у стены, холодной даже на солнце. Поставил сумку рядом, прислонился плечом к камню и позволил себе не двигаться. После дороги тело вспомнило о себе целиком: под ремнём на плече ныла кожа, ступни гудели тупо и ровно, во рту держался вкус пыли. Он перевёл дыхание и стал смотреть, как день движется сам.

Поток дел не рвался. Люди пересекались, расходились, брали на себя малую ношу и передавали её дальше, не позволяя ей стать общей задержкой. Даже паузы здесь были встроены в движение, как вдох между двумя знакомыми усилиями.

Мимо прошёл человек в плотной одежде, которого слушали с вниманием, не даримым пустой должности. Чуть позже – женщина, проверявшая товар и распоряжавшаяся коротко, будто держала в голове не отдельный прилавок, а завтрашний день целиком. К ней подходили, спрашивали, ждали ответа. Спорили тоже, но скорее о границах решения, чем о праве отменить его.

Город давно выучил собственную логику. Пока она удерживала его лучше стен и уверенных шагов людей. И всё это прекрасно обходилось без Странника.

Солнце клонилось медленно. Люди проходили мимо. Кто-то нёс связку досок. Кто-то хлеб. Кто-то свёрток ткани. Кто-то просто усталость, аккуратно спрятанную под деловитостью.

Странник мог уйти. Мог остаться. Город не стал бы уговаривать его ни на одно, ни на другое.

Площадь принимала товар, передавала воду, разносила распоряжения из рук в руки, словно он и не входил сюда вовсе.

Город не звал его.

Но уже не отпускал.

Эпизод 2 – Тот, кто знает

Сначала это выглядело как мелкая задержка.

Это было лишь лёгкое замедление, из-за которого порядок вдруг начинал слышать сам себя. В одном месте люди стали останавливаться дольше обычного, возвращаться на шаг назад, смотреть не туда, куда шли, а туда, где движение на миг сбилось. Разговоры не оборвались, никто не повысил голос, никто не метался. День здесь чуть осел, будто какая-то незаметная шестерня вошла в сцепление не под тем углом.

Глаз почти ничего не замечал. Сбой выдавал себя ритмом.

После вчерашнего входа в город Странник уже знал: здесь многое держалось привычной согласованностью, куда прочнее отдельного приказа. Повозки шли там, где им следовало идти. Мешки оказывались в нужных руках. Короткие слова почти сразу находили себе дело. Поэтому даже маленькое замедление уже ощущалось вопросом, для которого ещё не нашлась верная форма.

У складского навеса стояла телега.

Она не была разбита. Колесо не слетело. Ось не треснула пополам. Всё выглядело почти исправным, и именно это делало задержку неприятнее. Мешки с зерном уже сняли и сложили рядом неровной грудой, будто спешили облегчить вес, но не успели решить, что делать дальше. Дерево под железной скобой ещё держалось, однако в этой честности уже чувствовался предел. Достаточно было снова нагрузить телегу как прежде, и она осела бы набок не драматично, а буднично, как оседает вещь, которую слишком долго считали надёжной только потому, что вчера она ещё не подвела.

Рядом стояли рабочие.

– Если оставить здесь, к вечеру сырость подберётся, – сказал один, глядя не на ось, а на мешки.

– Если тащить дальше так, как есть, доедет не всё, – отозвался другой.

– Можно разобрать.

– Можно. А собрать когда?

– К ночи.

– А зерно где будет до ночи?

Голоса звучали спокойно. Каждый говорил разумно, и именно поэтому разговор не двигался: доводы объясняли, почему нельзя сделать очевидное, но ни один не отвечал, что делать сейчас.

Странник остался в стороне и стал смотреть.

Странника интересовала уже не сама телега. Он смотрел, в какой момент частная неисправность перестаёт быть частностью и требует решения от людей, привыкших держать общий ход.

К навесу подошла Хозяйка таверны.

Странник её не знал, но такие взгляды узнаются сразу. Есть люди, которые в любой вещи сразу видят её вечернее последствие.

– Если сейчас не двинуть, потом будет хуже, – сказала она.

Сказано было просто, без нажима. За этой простотой стояла привычка чувствовать цену задержки телом, а не расчётом.

– Сейчас все заняты, – ответил кто-то из работников. – Можно вернуться позже.

Хозяйка таверны спорить не стала. Только ещё раз посмотрела на мешки – как на завтрашний хлеб, уже зависящий от чужой нерешительности.

И тогда появился Алхимик.

Не вмешался сразу, не оборвал разговор – просто в какой-то миг оказался рядом, будто всё это время шёл сюда тем же ровным шагом, каким другие идут за водой или за свечой. Раньше него пришла короткая тишина вокруг. Не почтительная, какой встречают власть, и не неловкая, какой встречают человека неприятного, но нужного. Скорее та, что возникает, когда люди чувствуют: теперь разговор уже не главный.

Алхимик был одет просто. Без украшений, без знаков, без той аккуратной значительности, которой иногда окружают себя люди знания, чтобы не доказывать его всякий раз заново. Его точность проявлялась в движениях. Он присел у телеги, осмотрел ось, нажал на дерево, проверил скобу. Пальцы у него были сухие, с тёмным налётом в складках кожи, будто даже чисто вымытые руки не до конца отпускали его ремесло.

– Перегрузили, – сказал он негромко. – Не сломано. Пока.

Это «пока» прозвучало без упрека и потому убедительнее любого окрика.

– Что делать? – спросила Хозяйка таверны.

Алхимик поднялся и огляделся.

Не ища совета и не примеряясь, кто здесь главный. Он смотрел так, как смотрят люди, давно привыкшие к задачам: виноватого можно искать позже; сейчас важнее было понять, что ещё осталось в распоряжении. Его взгляд прошёл по мешкам, по соседней телеге, по навесу, по людям, стоявшим слишком близко к делу и слишком далеко от решения.

– Снимите половину, – сказал он. – Остальное переложите туда.

Он кивнул на вторую телегу.

– Там и так груз, – ответил один из рабочих.

– Значит, сегодня будет меньше груза, – спокойно сказал Алхимик.

– Тогда не всё довезут.

– Всё не довезут и так, если будете рассуждать над сломанной мерой как над целой.

Он говорил без жёсткости. Пока остальные примеряли последствия каждого варианта, Алхимик уже отделял то, что должно выдержать дорогу сегодня, от того, что придётся исправлять завтра.

– Поставьте временную скобу, – добавил он, указывая на железо. – Только не для надёжности. Для дороги. Это разное.

Рабочие задвигались сразу.

Один принёс скобу. Двое подхватили мешки. Ещё один отогнал вторую телегу ближе. Хозяйка таверны сама проверила, как укладывают зерно, и коротко поправила одного из парней, когда тот бросил мешок слишком резко.

– Не камень, – сказала она. – Это хлеб до печи. Держи руками.

Он ничего не ответил, но перехватил мешок иначе.

Ещё минуту назад всё вязло в разумных возражениях. Теперь у временного решения появились границы: сколько снять, куда переложить и до какого срока считать скобу допустимой.

Телегу подвели, перегрузили, ось подперли временной скобой. Когда один из мешков качнулся на краю, Странник шагнул вперёд и удержал его плечом, пока рабочий перехватывал верёвку. Алхимик коротко кивнул и снова присел проверить крепление. На миг он поморщился, будто спина напомнила о себе.

– До вечера дотянет, – сказал Алхимик. – Завтра менять.

– А если завтра не получится? – спросил всё тот же рабочий, уже не возражая, а уточняя.

Алхимик выпрямился не сразу.

– Тогда завтра будет другая задача.

Алхимик сказал это так, как называют следующий пункт работы.

Телега тронулась медленно, тяжело, но ровно. Люди расступились. День, ещё недавно задержавшийся в одном месте, снова пошёл, будто ему лишь ненадолго пришлось вспомнить о собственном весе.

Тогда подошёл Управитель.

Он появился без свиты, без окрика, без того служебного шума, который часто сопровождает людей власти, когда власть ещё нуждается в звуковом доказательстве. В нём было другое: привычка считать последствия не после события, а одновременно с ним. Так обычно стоят те, кому приходится думать не только о правоте шага, но и о том, что будет, если этот шаг станет обычаем.

– Поставка задержана, – сказал Управитель, глядя не на Алхимика, а на уезжающую телегу.

– Нет, – ответил тот. – Перераспределена.

Управитель перевёл на него взгляд.

– Это нужно зафиксировать.

– Фиксируйте, – спокойно сказал Алхимик. – Работать всё равно будет так.

Между ними повисла короткая пауза. Не враждебная, но точная: действие уже произошло, а форма только догоняла его.

– Это не всем понравится, – сказал Управитель.

– Всем и не должно нравиться, – ответил Алхимик. – Достаточно, чтобы хватило.

Хозяйка таверны подошла ближе.

– Мы снова берём из резерва, – сказала она.

Управитель кивнул.

– Да.

– Он тает.

– Знаю.

Она не продолжила. Для неё за строкой «резерв» всегда стоял хлеб, которого однажды может не оказаться в печи. Управитель это понимал, но отменить уже принятое решение не предложил.

Управитель задержался ещё на миг, словно решая, сказать ли что-то сверх уже сказанного, потом тоже кивнул и отошёл. Ему предстояло догонять событие словами. Алхимику – нет.

Когда всё кончилось, люди разошлись быстро. Так расходятся после дел, которые не хотят превращать в событие. Навес снова стал просто навесом. Мешки исчезли. Колёса заскрипели где-то дальше по улице. Разговоры вернулись к цене, погоде, работе, как будто миру было неловко слишком долго смотреть на собственную зависимость от удачного частного ума.

Он подошёл к Алхимику ближе.

Тот как раз вытирал ладонь куском сухой ткани, будто завершал не вмешательство в судьбу дня, а обычную ремесленную работу.

– Ты часто так решаешь? – спросил Странник.

Алхимик посмотрел на него внимательно, будто прежде чем ответить проверял сам вопрос на полезность.

– Я не решаю, – сказал он. – Я откладываю.

– Что именно?

Алхимик на миг перевёл взгляд туда, куда уехала телега.

– То, что потребует большего вмешательства, если назвать это сразу.

– Значит, ты знаешь цену? – спросил Странник.

– Я знаю не цену, – ответил Алхимик. – Пока только направление счёта.

Сказано это было спокойно, без удовольствия от собственной глубины. Для Алхимика точность была ремеслом, а не способом выглядеть мудрее других.

– Ты прав, – сказал Странник после паузы.

– Да, – ответил Алхимик.

Он произнёс это без усмешки и без вызова.

Он ушёл так же спокойно, как пришёл.

Странник остался у навеса и ещё некоторое время смотрел на пустое место, где недавно стояла телега. День снова двигался. Город вернул себе ровный шаг.

Только теперь он заметил на пальцах серую пыль от колеса и вспомнил, как удерживал мешок у телеги. Растер её между большим и указательным пальцем, словно хотел на ощупь проверить мысль, которая ещё не стала словами.

Пыль была сухая. Дерево держалось. Зерно уехало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.